

"ВОСТОЧНИКИ" И "ЕВРАЗИЙЦЫ"*

"ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ"

Поскольку Достоевский считал борьбу христианства против ислама и противодействие всемирной гегемонии Великобритании легитимным стремлением России, то воплощением Азии для него была мусульманская Средняя Азия, а не буддистская Восточная Азия. Однако в 1880-е годы на российской сцене появилось экстремистское крыло разочарованных славянофилов, которое больше внимания обращает на Восточную Азию. Прозванные восточниками, они проповедуют идею, что священная миссия России не может далее осуществляться на территориях, определяющихся традиционной идеологией панславизма, т.е. прежде всего на Балканах и в Восточной Европе. Следует идти в противоположном направлении, вглубь Средней и Восточной Азии.

В рядах "восточников" выступили известные ученые, профессора Ф.Ф.Мартенс (1845-1909 гг.) и В.П. Васильев (1818-1900 гг.). Мартенс был самым авторитетным в России специалистом по международному праву, Васильев — ведущим синологом Петербургского университета. Мартенс в пропагандистских брошюрах "Россия и Китай" и "Россия и Англия в Средней Азии" оправдывал русские завоевания в Средней Азии и на китайских землях, доказывая, что "международное право не может приниматься в расчет, когда имеет дело с полуварварскими народами"¹.

Будучи влиятельным пропагандистом политики князя Горчакова на международной арене, Мартенс делал все от него зависящее, чтобы разрядить растущий англо-русский антагонизм. Он прямо заявлял, что обе империи должны сотрудничать в Средней Азии, где они являются единствен-

*Главы из книги Milan Hauner. *What is Asia to Us? Unwin Hyman. London-Sydney-Wellington. 1990* (печатаются с небольшими сокращениями. — Ред.).

ными представителями европейской цивилизации. Россия не пытается нанести поражение британцам в Индии, писал Мартенс, ибо столь сомнительная победа с помощью местных вооруженных сил лишь повредила бы России. Это почти наверняка революционизировало бы не только Индию, но и всю Азию. Не в национальных интересах России разжигать тлеющее пламя еще одного антибританского мятежа в Индии, подобно сипайскому восстанию, подавленному в 1858 г. Создание независимых государств в Азии, доказывал Мартенс, может причинить лишь огромные трудности Петербургу, где предпочитают, "чтобы в Калькутте было цивилизованное христианское правительство."²

Во второй пропагандистской брошюре Мартенс в тех же выражениях красноречиво пишет, что Китаю нельзя позволить одолеть Россию. Это разожжет лишь еще большую ненависть против европейских держав и приведет к насильственному выдворению из Китая всех "чужих дьяволов"³. Васильев же открыто проповедовал, что Россия, в противоположность всем другим европейским колониальным державам, должна продвигаться на Восток, чтобы освободить угнетенные народы от "тирании междуусобной борьбы"⁴. В статье "Продвижение Китая" Васильев нарисовал картину нового монгольского нашествия. Он предупреждал, что если под контроль Китая попадут богатые острова Тихого океана, то Китай "может стать угрозой и России, и Америке, и Индии, и западной Европе... и, в конечном счете, разрушит весь мир, который затем будет заселен исключительно китайцами".⁵

Несколько мягче и, пожалуй, несколько благосклоннее относился к "неарийцам" известный исследователь азиатских границ России генерал Н.М. Пржевальский (1839-1888 гг.). Он пытался убедить русскую общественность, что жители Монголии и Синьцзяна жаждут стать подданными белого царя, которому они приписывают такую же мистическую природу, как и далай-ламе.⁶ Даже ведущий русский анархист XIX в. Михаил Бакунин (1814-1876 гг.) чувствовал необходимость включиться — правда, несколько странным образом — в развернувшуюся дискуссию о "жел-

той опасности". В 1861 г. после бегства из сибирской ссылки в Лондон (через Японию и США), он высказал свои взгляды в брошюре под названием "La theologie politique de Mazzini et l'Internationale" ("Политическая теология Мадзини и Интернационал"). Бакунинское видение будущего мирового конфликта основывалось на расовых инстинктах. Это был биполярный образ мира, который делится между белой группой численностью примерно 350 млн. человек, находящихся под угрозой, и между 850 млн. азиатов, угрожающих белым. Уже тогда Бакунин предсказывал распад колониальных империй Великобритании и России. Он считал фиктивным контроль России над Амурской областью и Сибирью, ибо там численность европейских поселенцев никогда не будет достаточной, чтобы противостоять огромному потенциалу китайской миграции через границу. Он предсказывал, что русские владения в Азии просуществуют не более пятидесяти лет.⁷

Решение этой проблемы Бакунин видел во всемирной пролетарской солидарности, которая объединит неимущих независимо от расы на основе классовой борьбы. Другой русский совершенно иного профессионального склада видел противодействие "угрозе с Востока" в своего рода колониальной солидарности между христианскими державами Запада, в особенности между Россией и Великобританией, которые будут противостоять нехристианским силам Азии. Это был генерал А.Н. Куропаткин (1848-1925 гг.). Он участвовал в завоевании Средней Азии в качестве адъютанта генерала Скобелева, был военным министром России (1898-1904 гг.) и главнокомандующим русских войск в войне с Японией и следовательно одним из виновников их поражения. Закончил Куропаткин свою карьеру как последний генерал-губернатор Туркестана (1916-1917 гг.). Однако его мнение, что тонкая прослойка русских поселений в Азии не переживет напора волны желтой расы, в основном совпадало со взглядами анархиста Бакунина.⁸

Мартенс, Васильев и им подобные представляют крайнее направление "русской идеи" по отношению к Азии. Их позицию можно определить как расистский империализм, порожденный страхом перед "желтой опасностью". Пропро-

ведники этих мрачных пророчеств инстинктивно противились идее слияния русско-арийской расы с желтыми и туранскими расами Азии. Им противостояли либеральные империалисты, подобные полковнику Венюкову, которые благосклонно относились к идее ассимиляции. Вообще же спектр официальных и общественных воззрений в России в отношении "желтой опасности" весьма сложен, его нельзя представить как одномерное черно-белое изображение двух противоположных подходов. Здесь нельзя не упомянуть среди многих других источников толстовское "Письмо к китайцу"⁹ и взгляды выдающегося пацифиста-самоучки и теоретика войны Иоганна Блоха (1836-1902 гг.).¹⁰

В России, как и в других европейских колониальных государствах, империалистическая идея, построенная на "желтой опасности", не могла избежать некоторого биологического и экономического детерминизма, который присутствует в неомальтузианских и неodarвинистских теориях. Эти теории предсказывают увеличение дисбаланса между ростом населения в геометрической прогрессии и средств к существованию — в арифметической.¹¹ Однако в России страх перед перенаселением не был порожден недостаточной численностью ее собственного населения (наоборот, демографический взрыв в России, подтвержденный переписью 1897 г., давал ей неоспоримые преимущества перед другими великими державами, а российскому либерально-империалистическому лагерю дополнительные стимулы); тревогу вызывали китайские "кули"; казалось, они неотвратимо наступают со всех сторон.¹² Тонкий слой русских крестьян и торговцев в казачьих пограничных поселениях по Амуру и Уссури не смог бы противостоять притоку трудолюбивых китайцев и корейцев, если бы не дискриминационный указ царского правительства 1882 г., который запрещал нерусским приобретать землю в Сибири.¹³

ЮЖАКОВ И ФЕДОРОВ

Когда столкновение России и Англии из-за Афганистана поставило их на грань войны, Сергей Южаков (1849-1910 гг.),

предложил историософское толкование двух противостоящих экспансионистских потоков в Азии: крестьянская Россия пришла спасти сельскохозяйственные страны Азии от Азии кочевой — от Турана ("Азии Аримана"). Следовательно, русский колониализм, основывающийся на крестьянском поселенчестве, — резкая противоположность вдохновляемому ростовщицеством британскому торговому колониализму, основанному на безжалостной эксплуатации ресурсов Азии и не возвращающему ничего ее почве. Южак, писатель народнического направления, полагал, что обеспечивая приток своего крестьянства, Россия станет обновительницей Азии, защитницей азиатских народов Сибири. Россия передаст послание крестьянского социализма сельским общинам Индии и Китая и поведет их на борьбу против капиталистической эксплуатации со стороны Запада.¹⁴

Дихотомия между цивилизацией, основанной на обработке земли, и цивилизацией степных кочевников стала динамическим принципом истории в философском учении Николая Федорова (1828-1903 гг.), которого многие считают наиболее значительным и оригинальным русским мыслителем XIX века.¹⁵ Он верил, что русская крестьянская община обладает особыми добродетелями, которые могут спасти мир от разложения; что сельское хозяйство, противостоящее торговле и ростовщицеству, обладает воскрешающими способностями, которые могут обратить прах умерших предков в живые растения и животных. По мнению Федорова, сельские цивилизации России и Азии (т.е. Ирана, Индии и Китая) ведут оборонительную борьбу против кочевых степных государств и морских держав. В войнах между Англией и Китаем Федоров видел продолжительный конфликт "культы предков" и "культы золота". Россия должна присоединиться к той или иной стороне. Она может присоединиться к Западу, чтобы задушить "старейшую империю мира", или же она может воздержаться от столь злокозненного объединения и работать для достижения "вечного мира между белым и желтым царями". Федоров предлагал России отстраниться от "европейских и американских бандитов" и встать на сторону слабых

в Азии — и тем помочь индийским крестьянам вернуть землю в свое владение.¹⁶

Увлечение Федорова индийским вопросом не было случайным. В 1899 г. он посетил друга, жившего в Ашхабаде, столице русского Закаспия, и проехал по Туркестану до самого Памира. В Ашхабаде Федоров согласился опубликовать в местном журнале статью, в которой он размышлял об англо-русском соперничестве. Это была анонимная статья — философ-утопист Федоров отказался опубликовать ее под своим именем и получить за нее гонорар. Она носила необычное название — "О превращении разрушительного оружия в оружие спасения".¹⁷ Россия, уверяет читателей Федоров, не хочет править Индией; она просто ищет справедливости для бедного индийского крестьянина и "защиты для всех эксплуатируемых народов". Наиболее эффективное "неразрушающее оружие", которое может использовать Россия, чтобы заставить промышленную Британию отказаться от власти над крестьянской Индией, — проведение железной дороги до ворот Индии.

Видимо, при написании этой статьи Федоров вновь переживал те минуты, когда он стоял в благоговении перед Памиром, "крышей мира", игравшим столь важную символическую роль в его космогонии. Пейзажи Памира могли напомнить ему об универсальной роли Индии, ибо Федоров признавал два основных центра цивилизации: Константинополь — живую столицу, где греко-славянский мир встречается с христианским Западом, и Памир — некрополь предков арийской расы и колыбель индоевропейских языков. Это утопическое видение привело Федорова к идее, что в будущем эта священная вершина станет свидетелем примирения России с Великобританией.¹⁸

Утопические рефлексии Федорова относительно всемирного "центра искупления"¹⁹ получили весьма малое распространение и только в России, поскольку при жизни он печатался очень мало. Они были известны лишь немногим его близким друзьям (В.А.Кожевникову и Н.П.Петерсону) и нескольким общим знакомым, среди которых были Ф. Достоевский, Л. Толстой и В. Соловьев (последний признавал свой интеллектуальный долг Федорову). Представляется,

однако, что в последние два десятилетия XIX века произошел крупный сдвиг в русской империалистической политике, которого не заметил Федоров: в Средней Азии положение почти не изменяется, несмотря на то, что Британия сохраняет в этом регионе статус кво. Азиатская политика России сосредоточилась на Дальнем Востоке; столкновение с японской экспансией в Китае и Корее стало лишь вопросом времени. Предвидение этого конфликта наложило отпечаток на все дискуссии об Азии в среде русской интеллигенции; именно это предвидение дало возможность сторонникам идеи "желтой опасности" одолеть умеренных.

ПАНМОНГОЛИЗМ

Пожалуй, никто не был более захвачен представлением о России как о защитнице Европы от наступающих орд азиатских захватчиков, чем видный религиозный философ и мистик Владимир Соловьев (1853-1900 гг.), сын известного историка С.М. Соловьева. Явно расистские упражнения Соловьева на тему "желтой опасности" вроде знаменитой поэмы "Панмонголизм" (1894 г.) и последнего его эссе "Антихрист" (1900 г.), где изображено новое монгольское нашествие на Европу в XX веке под водительством Японии, захватили воображение широкой публики и в России, и вне ее.²⁰ Соловьев, как и многие его современники, разделявшие идею "желтой опасности", верил, что расы, которые он классифицировал как "низшие", обречены на подчинение "вышним" расам или на "исчезновение". Лишь анархисты вроде Петра Кропоткина,²¹ отваживались впрямую возражать против взглядов Соловьева. Большевики делали то же, но их возражения были упрощенными; они проводили параллель между официальной пропагандой "желтой опасности" и антисемитизмом.²²

Влияние проповедей Соловьева непосредственно испытывали русские поэты-символисты, в их числе Андрей Белый²³ и Александр Блок, в прошлом — ученик Соловьева. Поэма "Скифы", написанная в канун заключения Брестского мира, открывается эпиграфом из "Панмонголизма": "Панмонголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно". Эта поэма

Блока дала имя целому литературному направлению.²⁴ Блок, потрясенный трагической судьбой России, идет наперекор идеям своего учителя и отстаивает союз русских и скифов против наглой Европы; его предостережение — неприкрытая азиатчина:

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы!
С раскосыми и жадными очами!
Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..²⁵

Уже в 1923 г., когда большевистская Россия победила в гражданской войне, другой русский поэт, Сергей Есенин, пишет из Германии, никак не стараясь скрыть своего глубокого отвращения к Европе: "Пусть мы азиаты, пусть мы воняем, пусть мы бесстыдно чешем задницу на глазах у всех. Пусть так, но нет в нас этого запаха гниения. Никакая революция здесь невозможна. Все в застое, в тупике. Только нашествие варваров вроде нас может спасти их и переделать. Без нашествия на Европу не обойдется".²⁶ Но ни русское общество, ни царское правительство не приняли агрессивной идеологии "восточников". Они продолжали связывать будущее России с традиционными направлениями империалистической политики, сфокусированными на Европу, с предпочтением экспансии царизма на Балканы и к проливам. Более того, рискованные азиатские авантюры критиковались печатью как явная ловушка, порожденная германским лобби, всегда имевшим влияние в Петербурге. Считалось, что выдуманная им азиатская миссия России — огромная диверсия, которая должна облегчить собственный германский "дранг нах Остен" в Центральной Европе, а затем и по всей линии Берлин-Багдад.²⁷

"ЖЕЛТОРОССИЯ"

Странное и двусмысленное движение "Желтороссия" — наиболее любопытное и крайнее крыло "восточников"; пол-

нее всего его идеи отражены в работах и предпринимательской деятельности князя Эспера Ухтомского (1861-1921 гг.). Этот владелец нескольких газет, близкий соратник видного государственного деятеля России С. Ю. Витте в популяризации идеи Транссибирской железной дороги, наставник будущего императора наследного принца Николая, развивал поражающие мегаломанией идеи, основанные на сомнительной теории о якобы органической близости России к Китаю и даже к Индии²⁸. Ухтомский пел дифирамбы китайской цивилизации, но скрытым их лейтмотивом, несомненно, была идея "желтой опасности". То, что историк Э. Малоземов называл идеологической сутью "восточников", отражено в кредо Ухтомского: "Азия — мы всегда принадлежали к ней. Мы жили ее жизнью и ощущали ее интересы. Через нас Восток пришел к осознанию себя, к высшей жизни... Нам не нужно завоеваний. Все эти народы различных рас чувствуют притяжение к нам — кровью, традицией, идеями. Мы просто более близки им интимно. Этот великий и загадочный Восток готов стать нашим"²⁹.

Таким образом, можно было бы сказать, что оптимистическая версия русской "цивилизаторской миссии" на Востоке (во всяком случае, в декларациях), основанная на расовой и культурной ассимиляции или, по меньшей мере, на сотрудничестве и терпимости, которую провозгласил Венюков в 70-е годы XIX века в отношении Средней Азии, могла найти приложение и по отношению к Восточной Азии. Сам Витте был сторонником идеи, что Российская империя, расположенная между буддистским, индийским и мусульманским мирами, является миром в себе. Согласно записке, поданной Витте царю в 1893 г., то, что отличает Россию от Запада, — это ее особый национальный дух. Этот дух, наряду с другими элементами, скрепляющими Россию (географическое положение, православное христианство и самодержавие), образует "крепкое ядро, прочно объединенное, но свободное от националистической исключительности, обладает огромными возможностями для дружественного братства и сотрудничества с самыми различными расами и народами"³⁰.

В том же году Витте подал царю еще одну доклад-

ную записку, в которой поддерживал весьма взрывоопасную и сомнительную идею, выдвинутую Петром Бадмаевым, бурятским целителем, принявшим православие (его крестным отцом был император Александр III). Странный план основывался на систематическом проникновении бурятов, обученных русскими, в качестве торговых агентов в "задний двор" Китая — на западную пограничную полосу земель, протянувшихся от Сынцзяна до Монголии и Маньчжурии, включая Тибет. В 1895-1897 гг. план был опробован, но потерпел полную неудачу. Линией продвижения России должна была стать новая железная дорога на Ланьчжоу в провинции Кансуй. Главным направлением подрывной деятельности была поддержка антикитайского восстания монголов, тибетцев и китайских мусульман. Если бы план Бадмаева оказался столь же успешным, как главный план Витте — строительство Транссибирской железной дороги, то Витте был бы прав в своем заключении, что "с берегов Тихого океана и вершин Гималаев Россия будет вершить не только азиатские, но и европейские дела"³¹. Хотя Витте старался, чтобы мир поверил его декларациям о способности России осуществить свою миссию в Азии "мирными и культурными мерами, конечной целью русской экспансии в Азии посредством железнодорожного строительства и торговых мероприятий (которые в значительной мере, а подчас и полностью субсидировались государством) было колониальное господство"³².

Какое-то время русский империализм в Азии развивался на волне оптимизма, сопровождавшего строительство Транссибирской магистрали. Главным пропагандистом этой дороги и систематического проникновения России в Китай через Маньчжурию был Ухтомский. Его помощник по связям с Западной Европой Герман Брунхофер (1841-1916 гг.) чуть ли не в лирических тонах описывал светлое будущее Евразии. Все расы, связанные от Балтики и Черного моря до Тихого океана этой потрясающей дорогой, которая принесет выгоды взаимному торговому и культурному обмену, будут жить в полном согласии под скипетром царя. В отличие от британцев в Индии, доказывал Брунхофер, у русского крестьянина и солдата нет чувства

расового превосходства по отношению к азиатам: "Славянская и туранская кровь вскоре смешаются, возникнут новые пограничные народы полуазиатского, полуевропейского происхождения, создающие связующее звено, посредством которого славяне сделают высшие формы жизни, созданные христианско-европейской культурой, доступными все еще закрытому сердцу Внутренней Азии".³³

Мотив этот весьма знаком: идея могла придти чуть ли не от Венюкова и даже от раннего поэта-панслависта Тютчева, который в одном из своих странных стихотворений "Русская география" (1848 г.) мечтал о будущей российской евроазиатской империи "от Нила до Невы, от Эльбы до Китая, / От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная".³⁴ Однако разработанная в годы японо-китайской войны (1894-1895 гг.) брунхоферовская антиимпериалистическая концепция "Желтороссии" имела ясную политическую цель. Брунхофер не только рисовал величественную картину возможного симбиоза России и Китая, но и предупреждал западное общество об экспансионистских намерениях Японии: Япония под флагом буддистской солидарности создает паназиатскую зону влияния, сначала ограниченную Японией, Кореей и Китаем. Но затем, после оккупации Тайваня, эта зона постепенно может расшириться на всю юго-восточную Азию. В одной из своих статей Брунхофер с немалой долей прозрения писал о будущей великой восточноазиатской сфере совместного процветания, которая возникнет 50 лет спустя.³⁵ Тем не менее предостережения Брунхофера лежали внутри спектра идей "желтой опасности", которые можно найти уже у В. Соловьева и даже еще раньше — у К. Леонтьева. Несмотря на оптимистические картины будущей "Желтороссии", Брунхофер, по-видимому, был обеспокоен возможностью того, что индустриализованные массы китайцев начнут неотвратимо продвигаться на запад под водительством японцев. Единственной силой, которая сможет противостоять этой мощной буддистской волне, доказывал Брунхофер, является русская евроазиатская империя.

Несколько гротескное возрождение буддистской темы произошло в период гражданской войны в России. "Сумасшедший барон" фон Унгерн-Штернберг, бывший цар-

ский генерал, ответил на русскую революцию переходом в буддизм в знак протеста против того, что он считал банкротством западной цивилизации. В 1921 г. его объединенный казацко-монгольско-китайский отряд захватил Ургу, столицу Внешней Монголии (ныне Улан-батор), где барон был провозглашен новым Чингисханом. Однако несколько месяцев спустя Унгерн-Штернберг, этот символ "азиатчины" и "Желтороссии" в одном лице, потерпел поражение от большевиков и был ими расстрелян.³⁶

Важно отметить, что эта идеология, провозглашавшая будущее слияние рас во имя более однородной Евразии (где желаемое нередко выдавалось за действительность), разумеется, под благосклонным водительством России, никогда не влияла на процесс принятия решений в Петербурге, каким бы узким ни было определение этого процесса для того времени. В конечном счете (исключая эпизод с Бадмаевым) возобладала реальная политика. Но в годы гражданской войны и некоторое время после ее окончания большевистская Россия рассматривала свою политику в Азии скорее как функцию идеологии. Идея смешения славяно-арийцев и туранцев пользовалась определенной поддержкой либеральных кругов русской интеллигенции лишь до тех пор, пока уровень рождаемости в России оставался одним из самых высоких в мире, как это было при царизме согласно данным переписи 1897 г. Это способствовало и официальному поощрению колонизации русской Азии крестьянами европейского происхождения, в основном славянами.

Использование выгод от открытия Средней Азии и Дальнего Востока для русской колонизации шло бы значительно медленнее и не было бы столь полным без того вклада, который внесли в этот процесс ученые, специалисты и путешественники. Они оставили советскому государству прочную традицию научных исследований высокого уровня, в особенности в географии и востоковедении.

Даже выдающийся русский востоковед Василий Бартольд (1869-1930 гг.), который сумел остаться в стороне от официальной пропаганды и при царизме, и при большевиках, в основном соглашался с тем, что он считал исторической необходимостью, — с созданием мировых империй,

таких как империи Александра Великого, монголов, арабов и даже современной ему Российской империи в Средней Азии. Он искренне верил, что крупные структуры создают лучшие условия для культурного сближения народов различных рас, несмотря на все бедствия, которые несут войны, сопровождающие создание таких империй.³⁷

ИСХОД НА ВОСТОК: ТРУБЕЦКОЙ И САВИЦКИЙ

Несмотря на неудачи, связанные с русско-японской и первой мировой войнами, русские претензии на особые отношения с Азией продолжали жить среди интеллигенции, а в годы революции, гражданской войны и сразу же после них такие претензии даже усилились. Ярче всего это воплотилось в евразийском движении, которое сплотило самые блестящие умы русской эмиграции 1920-х годов. Несмотря на нередкие разногласия, они были убеждены, что лишь восприняв особое евразийское мировоззрение, можно сохранить особость русского вклада в цивилизацию, основанного как на греко-византийском, так и на монгольском наследии. В своем первом манифесте "Исход на восток" (1921 г.) два выдающихся лингвиста князь Николай Трубецкой и Роман Якобсон отстаивали евразийское слияние языков и культур (так называемая теория языкового союза — Sprachbund), сознательно преувеличивая влияние туранского элемента.³⁸

Евразийцы считали большевиков и марксизм худшим следствием западной культуры, однако самую революцию они рассматривали как великий и необходимый катализатор: она разрушила старый мир и пробудила одновременно и русские массы, и народы Востока. Поэтому работа Трубецкого "Европа и человечество" (1920 г.) читается как некое сочетание Данилевского и призывов второго конгресса Коминтерна. Это решительное обвинение западному империализму, которое отвергает евроцентристский подход к Азии. Унижение, испытанное Россией в ходе войны и революции, пишет Трубецкой, может создать неповторимую возможность радикального пересмотра отношения к нерусским народам: "Россия, будучи сама колонией, может по-

вести другие колонии, в особенности своих «азиатских сестер», на решительную борьбу против романо-германских колонизаторов."³⁹

Одним из самых оригинальных мыслителей среди евразийцев был географ Петр Савицкий (1895-1968 гг.). Согласно его концепции, Евразия — подлинная культурно-географическая общность с добавочным потенциалом территориальной экспансии ("месторазвитие" или "топогенезис"). Говоря о начавшейся в XIX веке экспансии России на юг и восток, Савицкий пытается преподнести ее как оборонительную меру в рамках понятия "продвинутой границы", несомненно аналогичного тому понятию, которое обосновывало британскую политику в Индии. Более того, Савицкий доказывает, что русскую экспансию в целом можно рассматривать как непрерывный процесс органического развития. В его описании это видится чуть ли не как экологический процесс без какой-либо политической мотивировки, скрывающейся за ним, и империалистического соперничества великих держав, связанного со среднеазиатским и дальневосточным вопросами. Следовательно, доказывает Савицкий, русская Евразия есть геополитическое единство в себе, созданное культурным процессом генетической мутации, а не посредством завоеваний и разрушений.⁴⁰ Как видим, такое толкование не слишком отличается от концепции "динамического жизненного пространства" Фридриха Ратцеля, которую Карл Хаусхофер принял в 20-е годы.

ЕВРАЗИЙСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ И СЛИЯНИЕ

Весьма любопытно явное сходство между словарем евразийцев и советской терминологией хрущевской эпохи относительно культурно-национального слияния под любознательным надзором старшего русского брата. В работах П. Савицкого и, в особенности, в трудах историка Г. Вернадского нередко встречаются термины "слияние" и "перемешивание", что якобы имеет место в процессе территориальной экспансии, кульминация которой — формирование "великорусской культуры". Так, замечание Вернадского, что "под внешним разнообразием скрывается внутреннее единство",

напоминает расхожее советское понятие о "единстве в многообразии".

В манере, не слишком отличающейся от советских стандартов, Вернадский доказывал, что включение нерусских групп в многонациональную евразийскую империю создаст огромные экономические и культурные преимущества. Однако Вернадский настаивал при этом, что единство должно быть "экуменическим", без "навязывания", ибо "Российское государство — евразийское государство, и все отдельные национальности Евразии должны чувствовать, что это их государство и признавать его" (курсив Вернадского). Сила этого евразийского образования лежит в его "свободном культурном творчестве".⁴¹ Кроме того, даже если "русский народ образует главную силу евразийского государства, а русский язык — базовый слой евразийской культуры", все это нельзя навязывать другим народам. Несмотря на величие этих идей, высказывавшихся евразийцами-эмигрантами, не несшими никакой политической ответственности и имевшими весьма малое влияние в новой советской евроазиатской империи, другие славянские народы, в особенности наиболее многочисленные (после русских), например, украинцы и поляки, испытывали глубокое недоверие к целям евразийцев и выступали против них.⁴² К сожалению, ничего не известно о реакции на теории евразийцев азиатских интеллектуалов, живших под советским режимом. Можно, однако, безошибочно полагать, что они видели в этих теориях лишь утонченное оправдание русского империализма.

Таким образом, евразийское движение, само того не сознавая, способствовало формированию утопического образа советского человека — искусственного порождения советской пропаганды, не имеющего какого-либо расового или этнического происхождения, но говорящего по-русски и ощущающего себя, конечно же, русским. Советская модель — троица, состоящая из трех стадий, — "расцвет-слияние", весьма развитая в эпоху Хрущева, разительно напоминает евразийское видение 1920-х годов. Она отражает также исторический опыт, накопленный русской интеллигенцией по национальным и расовым вопросам, которые русские мыслители впервые подняли в XIX в.

Как показывает Элен Каррер д'Анкос, вся советская концепция в области определения и законного оформления отношений между русскими и нерусскими претерпела множество изменений.⁴³ В противоположность ленинской утопии отмирания наций и государств и замены их новым универсальным обществом пролетарской классовой солидарности, более жестокий и осмотрительный Сталин постепенно преобразовал идею федерации в идею централизованного русского надзора над формально автономными народами Советского Союза. Эта реальность превратила все советские теории по национальному вопросу в пустопорожние упражнения, из которых идеи Сталина так и не были устранены. Выживание многонациональной евразийской территориальной крепости, по-прежнему управляемой мудрым "старшим русским братом", будет зависеть прежде всего от решения поднятых евразийцами вопросов.

Примечания

- 1 Andrew Malozemoff, *Russian Far Eastern Policy 1881-1904* (Berkeley: University of California Press, 1958), 42.
- 2 F.F. von Martens, *Russland und England in Zentralasien* (St. Petersburg, 1880); Heinz Gollwitzer, *Geschichte des wetpolischen denkens* (Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982), I:52-70, 133-36.
- 3 F. F. von Martens, *Le Conflict entre la Russie et la Chine* (Bruxelles, 1880).
- 4 Gollwitzer, *Die Gelbe Gefahr* (1962), 93-103; W.P. Wassiliew, *Die Erschliessung Chinas* (Leipzig, 1909).
- 5 W.P. Wassiliew, *Die Erschliessung Chinas* (Leipzig, 1909), 49.
- 6 N.M. Prejevalsky, *From Kulja, accross the Tian Shan to Lob-Nor* (London: Sampson Low, 1879).
- 7 М.А. Бакунин, *La theologie politique de Mazzini et l'Internationale* (Neufchatel, 1871), 102, 110.
- 8 А.Н. Куropatkin, *Memoiren* (Berlin, 1919), 71, 74.
- 9 Gollwitzer, *Die Gelbe Gefahr* (1962), 14, 23-24, 111.
- 10 J.S. Bloch, "Les Illusions de la Conquete Chinoise," *Revue des Revues* (August 15, 1900).
- 11 Gollwitzer, *Die Gelbe Gefahr* (1962), 14.
- 12 Herold J. Weins, *China's March toward the Tropics* (Hamden, Conn.: Shoe String Press, 1954).
- 13 Gollwitzer, *Die Gelbe Gefahr* (1962), p. 24.
- 14 С.Н. Южаков. Англо-русская распря. СПб, 1885;
- 15 Н.Ф.Федоров. Философия общего дела. — Цит по: Н.Ф.Федоров. Сочинения. М., Мысль, 1982. О влиянии Федорова на Достоевского, Толстого, Соловьева, Бердяева, Булгакова и др., см.: Stephen Lukashovich, *N.F. Fedorov — A Study in Russian Eupsychian and Utopian Thought* (Newark: University of Delaware Press, 1977), pp. 13-34.
- 16 Н.Ф.Федоров. Сочинения, 1982, стр. 343; Sarkisyanz. Op. cit., 210-211; Н.А.Сетницкий. Русские мыслители о Китае. Харбин, 1926.
- 17 Владимир Львов. Загадочный старик. Л., Советский писатель, 1977, стр. 129-135; Н.Ф.Федоров. Сочинения, (1962) стр. 335-336.
- 18 Н.Ф.Федоров. Сочинения, стр. 216, 340, 382, 669.

19 Там же, стр. 300.

20 В.С.Соловьев. Три разговора. СПб., Труд, 1904;

21 Malozemoff. *Russian Far Eastern Policy* (1958), p. 43

22 Ленин о войне в Китае. — Искра, 1 декабря 1900;

23 А.Белый. Петербург. Цит. по изд.: London: Penguin, 1983, стр. 65.

24 Sarkisyanz, *Russland und der Messianismus* (1955), 200, 216-218.

25 Александр Блок. Стихотворения и поэмы. Театр. М., "Художественная литература", 1968, стр. 644-645.

26 С. Есенин. Собрание сочинений. М., 1970, т.5, стр. 107.

27 Gollwitzer, *Die Gelbe Gefahr* (1962), 42, 98-99.

28 Sarkisyanz, *Russland und der Messianismus* (1955), 218-22.

29 Malozemoff, *Russian Far Eastern Policy* (1958), 43-44.

30 В.Н. Sumner, "Russia and Europe," *Oxford Slavonic Papers* (1951), II: 1-16. В *Readings in Russian Civilization*, под ред. Thomas Riha (Chicago: University of Chicago Press, 1964), II:473.

31 Malozemoff, *Russian Far Eastern Policy* (1958), 43; Sarkisyanz, *Russland und der Messianismus* (1955), 378-91.

32 Gollwitzer, *Geschichte* (1982), I: 138-40.

33 Hermann Brunnhofer, *Russlands Hand Uber Asien. Historisch-geographische Essays zur Entwick lungsgeschichte des Russischen Reichsdenkens* (St. Petersburg, 1897). Предисловие. Швейцарец Брунхофер оправдывал русскую экспансию в Средней Азии и на Дальнем Востоке в серии статей, впервые опубликованных в петербургских газетах на немецком языке *St. Petersburger Zeitung* и *St. Petersburger Herold*. Он пытался обосновать русский экспансионизм в Азии собственными изысканиями в арийской мифологии. Среди других работ он опубликовал трехтомник *Urgechichte der Arier in Vorder-und Centralasien: Historisch-geographische Untersuchungen uber den altesten Schauplatz des Rigvedas und Avestas* (Leipzig, 1983). Брунхофер перевел также объемистый отчет князя Ухтомского о поездке цесаревича Николая на Дальний Восток. *Orientreise seiner Kaiserlicher Hoheit des Grossfursten Thronfolgers*, (Leipzig: Brockhaus, 1894, 1998)

34 Ф.И.Тютчев. Лирика, Наука, 1965, т. II, М., стр. 118.

35 "Ein ostasiatischer Dreibund und die buddhistische Weltpropaganda." В кн. Брунхофера *Russland Hand uber Asien* (1897), 24-29, впервые опубликована в *St. Petersburger Zeitung* в 1894 г.

- 36 Louis Fischer, *The Soviets in the World Affairs*, (Princeton: Princeton University Press, 1951), II: 534-37; Sir Fitzroy Maclean, *To the Back of Beyond* (London: Cape, 1974), 119-121.
- 37 Академик Бартольд. Сочинения. М., Изд-во восточной литературы, 1963, т.2, стр. 164-166, 345-350.
- 38 Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921; содержит статьи Г.В.Флоровского, Романа Якобсона, П.П.Савчинского, П.Н. Савицкого и Н.С.Трубецкого. Ниже перечисляются основные работы о евразийцах: D.S. Mirsky, "The Eurasian Movement, *The Slavonic and East European Review*" (1927), 311-320; Otto Boss, *Die Lehre der Eurasier* (Wiesbaden: Harrasowitz, 1961); H. A. Stammier, "Europe-Russland-Asian. Der 'eurasische' Deutungsversuch der russischen Geschichte," *Osteuropa* 12 (1962), 521-528; Geroges Nivat, "Du Panmongolisme au mouvement eurasiens," *Cahiers du monde Russe et Sovietique* 7/3 (1966), 460-78; Nicholas V. Riasanovsky, "The Emergence of Eurasians," *California Slavic Studies* 4 (1967), 39-72.
- 39 Н.С. Трубецкой. Европа и человечество. София, 1920; Mirsky, "The Eurasian Movement" (1927), 312-13; V. Riasanovsky, "Emergence of Eurasians" (1967), 56; Leonid Luks, "Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang," *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 34 (1986), 374-395.
- 40 П.Н. Савицкий. Геополитические заметки по русской истории. — В: Г.В. Вернадский. Начертание русской истории. Прага, 1927, стр. 234-260; см. также П.Н.Савицкий. Географические особенности России. 2 тт., Прага, 1927; он же. Россия — особый географический мир. Париж, 1927. Charles Halperin, "Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism," *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte* 36 (1985), 55-194, and *Slavic Studies* 41 (1982), 477-493.
- 41 Г.В. Вернадский. Указ. соч., стр. 230-231, 259-260; Charles Halperin. Op.cit., pp. 99-104.
- 42 V. Riasanovsky, "The Emergence of Eurasians", *California Slavic Studies* 4 (1967).
- 43 H. Carrere d'Encausse, *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt* (New York: Harper, 1981), 13-46.

ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ К ЮГУ

РОССИЙСКИЕ ПРОСТОРЫ

Неразрешимые проблемы слияния рас в огромном многонациональном конгломерате, называемом Российской (а позднее советской) евразийской империей, еще более обостряются в географических понятиях — в труднейшем пространственном дисбалансе, довлеющим над общим геостратегическим положением империи.

Метафорически упрощая, историю Российской империи подчас сводят к "трагической одержимости простором" или к "трагическому дару пространства"! Согласно этим представлениям, русских — и как обороняющихся, и как агрессоров, постоянно и неудержимо влекли огромные пространства Евразии. Русские гордятся тем, что в их гигантской сухопутной твердыне можно разместить 2-3 Америки, 40 Франций и 93 Великобритании² Между 1600 и 1900 гг. к Российской империи добавилось в общей сложности 17 млн. квадратных километров новых территорий, в среднем, по 57 тыс. квадратных километров ежегодно.³ Исходя из этого, нетрудно придти к заключению, что география и в самом деле оказывала "всестороннее влияние на русское и советское восприятие Азии"⁴

Таким образом, географический фактор играет огромную роль в истории русского народа,⁵ особенно в связи с чрезмерным увлечением империалистической России пространствами и территориями. Две географические особенности отличают Россию. Первая — это однообразие рельефа местности, монотонность ландшафта, позволившая центральной политической власти поддерживать и распространять свой контроль по линии великих речных путей, тянувшихся по оси север-юг. Такой контроль облегчал движение товаров, колонистов и войск⁶ По словам выдающегося историка Ключевского, экспансия Москвы может рассматриваться как возвышение центростремительной силы, захватившей контроль над истоками четырех рек в